

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О ЛАКАНЕ

А.В.КАЗАНСКАЯ

Французский психоаналитик доктор Изи Беллер когда-то учился у Лакана. Кроме психоанализа, доктор Беллер занимается лечением речевых расстройств, он создал уникальный прибор для переобучения детей, страдающих трудно поддающимся коррекции нарушением – дислексией (расстройство чтения). По его методу дети школьного возраста повторно «переживают» весь путь развития речи, что дает девяносто четыре процента успеха.

В связи с данной публикацией мы попросили его ответить на несколько самых общих, простых и, может быть, поверхностных вопросов о Лакане.

Вопрос: Если верно то, что Лакан начал с переводов Фрейда на французский, то почему он сам почти непереволим с французского? Если бессознательное у всех устроено, как общечеловеческий язык, то почему же невозможен перевод?

Ответ: Лакан не говорит об общечеловеческом языке. Это верно, что бессознательное есть у всех, но оно структурировано посредством наших собственных идиом, т.е. того, что по-французски называют «материнским языком» – «la langue maternelle». Это значит, что ваше бессознательное прошло сквозь русскую логику, мое – сквозь французскую и т.д.

Сам он ничего не переводил, он только писал о переводе. Настоящий перевод предполагает обнаружение структуры, а глубинная структура притягивает не только смыслы, но и сами слова. Лакан играл словами. Он пытался не только вложить в них смыслы, но именно играть словами, как это делают поэты. Поэты тоже никогда полностью не переводимы. У каждого языка свои способы игры словами и смыслами.

Речевая деятельность (language) присуща всем человеческим существам. Речевая деятельность, язык, речь (language, langue, parole). Лакан использует эти лингвистические понятия Соссюра для понимания психоанализа. Таким способом он читает Фрейда.

В.: Правда ли, что учение Лакана очень обособлено, идиосинкратично, а представители других течений психоанализа относят-

ся к нему, скорее, как к поэзии? Взрослым людям не обязательно читать поэтов, особенно иностранных, а поэты не обязаны читать ученых и других поэтов и оглядываться на их творчество.

О.: Я думаю, что психоаналитическая наука и поэзия языка очень тесно связаны. Это как в сновидении, где, по Фрейду, есть манифестный, явный уровень, а под ним лежит более глубокий. Доступ к смыслу открывается только при рассмотрении конкретной языковой ткани.

В.: Александр Эткинд в своей книге об истории психоанализа в России комментирует фрейдовский анализ знаменитого Человека-волка, связывая сновидение пациента с русским идиоматическим выражением.

О.: Да, на иностранном языке всегда что-то теряется.

Что касается изоляции Лакана, то я не думаю, что она связана с его особым вниманием к одному конкретному языку. Это проблема скорее политическая, чем какая-либо еще.

В.: Меня не удивляет, что Вы говорите о политических проблемах. Мне стиль Лакана иногда напоминает стиль Ленина – огневой. «Наш друг такой-то» – подразумевается возможность «нашего врага». Как Ленин, он подводит теоретическую базу под свои политические цели.

О.: У психоаналитиков тоже бывает борьба за власть. Деятельность Лакана была реакцией на политическую организацию ИРА (Интернациональная Психоаналитическая ассоциация). Политикой занимался не он один. Он считал, что эта организация предаст этику психоанализа и чтобы улучшить положение вещей, нужно бороться, в том числе и политически. Он создал свою собственную организацию и в ней столкнулся с теми же проблемами. Как и Ленин. Вообще-то интересное сравнение.

У него были интересные идеи вначале. Как, возможно, и у Ленина. Он стремился к истине. Чтобы распространять истину, нужно было создать организацию. А когда организация создана, цель забывается.

В.: Что такое «moi» и «je» по Лакану? Эти два слова действительно непереводаемы и в их противопоставлении ощущается что-то очень французское. Даже герои книг, у которых лицо выражает нечто совсем противоположное душе, принадлежат французской литературе – Квазимодо и человек, который смеется.

О.: Я бы не стал говорить внутреннее и внешнее, как Вы это формулируете. Moi – это ego. А je – это то, что имел в виду Фрейд, когда сказал: «Wo es war, soll ich werden» («Где было Оно, должен стать Я»). Moi – это ego, это полностью воображаемая конструкция. Социальная конструкция. Je связано с реальным (с чувством тела, с бессознательным и т.д.), и с символическим, и с воображаемым.

Moi – это глупый генерал, который считает себя на самом деле генералом. Психоанализ может показать ему, что он еще и солдат, и ребенок, и преступник, и все остальное.

В.: В аннотации к «Стадии зеркала» написано, что эта статья

«сметает подчистую» эго-психологию.

О.: С точки зрения школы эго-психологии, психоанализ должен стремиться сделать Эго сильнее, оградить его от противоречий. Грубо говоря, это, например, сказать страдающему сексуальной перверзией: «Ничего страшного», – защитить его от чувства вины. Это зачастую усиливает симптоматику.

В.: Лакан это отвергал?

О.: Да, абсолютно! Он говорил, что это предательство по отношению к психоаналитической этике. Он полностью принимал всерьез слова Фрейда «Где было Оно, ...», что означает, что Я связано с Оно, идет от Оно, а не от Эго. Но Я – это не данность, это конструкция, за построение которой надо бороться.

В.: Но Фрейд не делал такого различия.

О.: Да, верно, систематически его сделал Лакан. Он систематизировал Фрейда. Он считал, что на самом деле Фрейд имел в виду именно это.

В.: Почему он все время говорит о треугольниках? Мать и младенец – ведь это диада, разве нет?

О.: Мать никогда не бывает одна со своим ребенком. Их всегда трое: мать, ребенок и язык. Говоря со своей дочерью, мать одновременно говорит со своей матерью, со своим отцом и т.д.

В.: Но какой же смысл говорить о треугольнике, если младенец не способен его воспринять? Ведь на определенной стадии он еще не знает, что существует мир, помимо его матери. Мир, отец, мать – он еще не может отделить их друг от друга, как до этого он не мог разделить свое окружение и себя.

О.: На это есть ответ у самого Фрейда. Фрейд пишет, что младенец интроецирует все хорошее и проецирует вовне все плохое. Так что, мы получаем треугольник: ребенок – интроекция – проекция. Такой же треугольник строит позже и Мелани Клайн с частичными объектами. Ребенок – хороший объект – плохой объект, например, хорошая грудь и плохая грудь.

Потом наступает стадия зеркала. Ребенок начинает осознавать, что он – отдельное целое так же, как и его мать, отец и все остальные люди.

В.: Были ли Вы знакомы с Лаканом лично? Лаканист ли вы?

О.: Да, я был с ним знаком. Наверное, никто не считает меня лаканистом. Сам я считаю себя фрейдистом. Я не думаю, что технически его способ работы был хорош. Может быть, обучающимся психоанализу и могли принести пользу его укороченные сеансы, которые он прерывал, когда считал нужным, но не пациентам. Это был анализ для аналитиков.

В.: Почему он изобрел такую технику? Как она соотносится с его теорией?

О.: Обозначить нечто словом – это только одна сторона вопроса. Я стараюсь придать своим словам не амбивалентный смысл, защищая

сознание от противоречий бессознательного. Психоанализ должен разрушать обозначения. Лакан пытался делать это своими способами. Например, он мог оборвать фразу, разорвать на части слово, чтобы обнаружились скрытые в нем возможности.

В.: Не могли бы Вы рассказать что-нибудь о его личности?

О.: Он был блестящим собеседником. Он производил впечатление гения. Но он мог быть и очень жестким. С моей точки зрения, он был слишком погружен в институциональную борьбу.

В.: Долго ли Вы его знали?

О.: Он два года был моим супервизором. Самым важным из того, что он мне дал, мне кажется этика психоанализа.

Для меня этика непосредственно содержится в этой фразе: «Где было Оно, должен стать Я». Я, а не Эго в смысле эго-психологии. Я, идущее от Оно. Когда крайняя субъективность оказывается совершенной объективностью, то есть я хочу сказать, когда абсолютная субъективность соединяется со всеобщностью. Так получается большой художник.

Вопросы задавала Анна Казанская